

№ 216

Къ вопросу о приведеніи раскольниковъ къ присягѣ.

(Историческая справка).

Въ 295 № „Московского Листка“ за прошлый годъ было напечатано сообщеніе, въ которомъ заявлялось, что „попечители Рогожскаго богадѣннаго дома, купцы С. М. Мусоринъ и В. А. Шваевъ, передали прокурору московской судебной палаты, г. Муравьеву, цѣнные старообрядческіе св. крестъ и св. евангеліе, какъ даръ, принесенный московскимъ обществомъ старообрядцевъ, принимающихъ священство и присягу, московскимъ судебнымъ установленіямъ для привода къ присягѣ свидѣтелей- по старой вѣрѣ“. Это извѣстіе крайне опечалило одного „ревнителя православной церкви“; вмѣстѣ съ вырѣзкою изъ газеты съ вышеизложеннымъ извѣстіемъ онъ прислалъ въ редакцію „Братскаго Слова“ письмо, въ которомъ, называя рогожцевъ-окружниковъ лицемѣрами, утверждаетъ, что они хуже и вреднѣе для церкви и православія самихъ безпоповцевъ, такъ какъ внѣшностію своею прельщаютъ не только простолюдиновъ, но даже интеллигентныхъ людей¹⁾, и притомъ

¹⁾ Въ подтвержденіе своихъ словъ неизвѣстный ревнитель православной церкви, между прочимъ, писалъ: «я былъ на похоронахъ у Морозова, стоялъ все погребеніе и видѣлъ, какъ сановные люди молились съ раскольниками, а потомъ слышалъ, какъ они говорили между собой: «а у нихъ все такъ хорошо! точно какъ у насъ. Только поютъ — тянуть. Право не знаю, за что ихъ преслѣдуютъ». «Братское Слово» строго осудило московскихъ сановниковъ за то, что они, руководясь столь дорогою имъ «свободою совѣсти», въ мундирахъ и лентахъ явились на погребеніе «наикрупнѣйшаго изъ російскихъ фабрикантовъ и капиталистовъ — раскольника Морозова», молились за него вмѣстѣ съ раскольническими попами и раскольниками и своимъ присутствіемъ,

вездѣ себя выставляютъ и обособляютъ: „вотъ и этотъ случай“, писалъ въ заключеніе неизвѣстный ревнитель церкви, „о которомъ газетное извѣстіе я вамъ посылаю: что это, какъ не лицемѣріе? Считаютея окружники, а сами идутъ въ судъ съ своимъ крестомъ и евангеліемъ, пренебрегая почитаемыми у православныхъ! Воистину мы дожили до плачевныхъ временъ: отовсюду оскорбляютъ православную церковь“.

Къ удивленію, редакция „Братскаго Слова“ вмѣсто того, чтобы разъяснить почтенному ревнителю православія, что на пожертваніе попечителями Рогожскаго кладбища московскимъ судебнымъ установленіемъ св. креста и евангелія, которые „Московский Листокъ“ называетъ „старообрядческими“, не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на что-то оскорбительное для православной церкви и противозаконное, и тѣмъ успокоить его, сама стала на точку зрѣнія усерднаго не по разуму защитника интересовъ православной церкви и, назвавъ вышеуказанный поступокъ попечителей Рогожскаго богадѣльнаго дома „примѣчательнымъ“, прочитала грозную вотацію и попечителямъ Рогожскаго кладбища за то, что они, „гнушаясь употребляемыми въ православной церкви крестомъ и евангеліемъ“, принесли г. прокурору судебной палаты „какіе то свои старообрядческіе крестъ и евангеліе“, показывая тѣмъ свое желаніе и въ судахъ „какія-то особыя привилегіи“, — по крайней мѣрѣ „привилегію отвергать почитаемыя православными крестъ и евангеліе Христа Спасителя“, и затѣмъ, „какъ бы торжествуя свою побѣду надъ церковію“, послѣдили сообщить объ этомъ въ газету, причемъ назвали себя старообрядцами, пріемлющими „какое то кукольное“ священство и присягу, какъ будто другіе раскольники,

такъ сказать, узаконили и поощрили беззаконіе, состоявшее въ томъ, что отпѣваніе совершали облачившіеся въ священныя одежды разныя мѣщане и фабричныя съ фабрики Арсенія Морозова, которыхъ законъ не признаетъ за дѣйствительныхъ священниковъ; между тѣмъ «ревнитель православной церкви», неизвѣстно — по какому побужденію появившійся на похороны Морозова и выстоявшій «все погребеніе», не получилъ отъ почтенной редакціи даже простаго замѣчанія за свое неумѣстное присутствіе въ зимней часовнѣ Рогожскаго кладбища, гдѣ происходило отпѣваніе Морозова и куда полиція допускала только тѣхъ, кто имѣлъ входныя билеты.

за исключеніемъ странниковъ, не принимаютъ присяги,—и „Московскому Листку“—за то, что эта „податливая газета“, не разсудивъ того, что осьмиконечный крестъ и старопечатное евангеліе съ именемъ: Ісусъ называть „старобрядческими“—несправедливо, такъ какъ такіе кресты и евангелія признаетъ православными и употребляетъ и сама церковь православная, напечатала „нелѣпное“ сообщеніе попечителей Рогожскаго кладбища во всеобщее свѣдѣніе, „въ оскорбленіе православнымъ и на радость раскольникамъ“, и наконецъ—г. прокурору за то, что онъ, „нарочитый представитель судебной власти“, позволилъ себѣ принять „какіе-то особые „старобрядческіе“ кресты и евангеліе, отличные отъ православныхъ“, и тѣмъ „призналъ справедливымъ, чтобы старобрядцы давали присягу предъ какииъ-то своимъ Евангеліемъ, какъ магометане предъ Кораномъ“ („Вратск. Слово“, 1889 г. № 17, стр. 548—550).

Изъ вышеизложеннаго прежде всего читателю видно, что сообщенное „Московскимъ Листкомъ“ извѣстіе о „дарѣ“ попечителей Рогожскаго богадѣленнаго дома, неизвѣстно почему, взволновало редакцію „Вратскаго Слова“ до того, что она, при обсужденіи этого „примѣчательнаго“ случая, позволила себѣ такія выраженія, которымъ, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ появляться на страницахъ изданія, посвященнаго изслѣдованію раскола—съ цѣлю примиренія заблуждающихся съ церковію; принесеніе раскольниками присяги предъ старопечатнымъ евангеліемъ, какого бы изданія оно ни было, приравнять къ принесенію присяги магометанами предъ кораномъ можно только при полной потерѣ душевнаго равновѣсія, чтобы не сказать больше. Съ другой стороны, въ сужденіи о поступкѣ купцовъ Мусорина и Шибаява почтенная редація, благодаря, конечно, тому же душевному состоянію, допустила прямое противорѣчіе самой себѣ. Она громко заявила, что какъ осьмиконечный крестъ, особенно чтимый старобрядцами, такъ и старопечатное евангеліе, въ которомъ напечатано Ісусъ, а не Іисусъ, православная церковь принимаетъ и признаетъ православными, и въ тоже время, не обинуясь, говоритъ, что желаніе старобрядцевъ давать присягу предъ старопечатнымъ евангеліемъ и

осьмиконечнымъ крестомъ свидѣтельствуеть объ ихъ „требованіи себѣ привилегіи отвергать почитаемые православными крестъ и евангеліе Христа Спасителя“, что принятіе прокуроромъ судебной палаты принесенныхъ ему старообрядцами осьмиконечнаго креста и старопечатнаго евангелія составляетъ „побѣду раскола надъ церковію“, а оглашеніе этого событія „Московскимъ Листкомъ“ — „оскорбленіе православнымъ“. Мы не споримъ, что допущенное московскою газетою выраженіе: „старообрядческіе св. крестъ и евангеліе“ — не вполне точно; но слѣдуетъ ли эту обмолвку ставить въ вину „Московскому Листку“, когда даже изданія, спеціально занимающіяся расколомъ, часто не знаютъ, какимъ именемъ обозначить то или другое явленіе, совершившееся въ мирѣ старообрядчества („Другъ Истины“, 1889 г. № 37, стр. 724). Далѣе: отсутствіе душевнаго спокойствія не позволило редакціи „Братскаго Слова“ замѣтить и того, что въ присвоеніи себѣ рогожцами названія старообрядцевъ, пріемлющихъ священство и *присягу*, нѣтъ ничего „нелѣпнаго“; почившій московскій святитель Филаретъ въ 1855 году доносилъ исправлявшему въ то время должность обер-прокурора святѣйшаго Синода А. И. Барсѣевскому, что трое изъ раскольниковъ Преображенскаго кладбища, „строгіе въ мнѣніяхъ своей секты, совсѣмъ не хотѣли присягать“ государю императору Александру II и только по убѣжденію другихъ — „не производить мятежа“ согласились принять присягу „на вѣрность подданства государю императору и государю наслѣднику цесаревичу“ (Собран. мнѣн. и отв. т. IV, стр. 9, примѣч.); значить, принятіемъ присяги послѣдователи Рогожскаго кладбища отличаются не отъ однихъ странниковъ, а и отъ другихъ безоповцовъ, „всякую власть нынѣшняго времени почитающихъ антихристовою“, которые если и приносятъ вѣрноподданническую присягу, то только „страха ради іудейскаго“. Наконецъ, всѣ разсужденія редакціи „Братск. Слова“ по поводу сообщенія „Московскаго Листка“ о пожертвованіи попечителями Рогожскаго богадѣленнаго дома московскимъ судебнымъ установленіямъ осьмиконечнаго креста и старопечатнаго евангелія показываютъ, что почтенная редакція рѣшительно незнакома съ исторіею вопроса, о которомъ взялась трактовать.

Если мы не ошибаемся, впервые вопросъ о томъ, присягать ли и какъ именно слѣдуетъ присягать раскольниковъ на вѣрность подданства, возникъ въ 1725 году, по смерти великаго преобразователя Россіи, котораго ревнители старины за его несогласныя съ народными вѣрованіями и обычаями реформы провозгласили антихристомъ,—при восшествіи на престолъ императрицы Екатерины I. Какъ видно изъ памятниковъ, послѣ смерти Петра I-го, послѣдовавшей 28 января 1725 года, правительство почему-то не спѣшило приведеніемъ русскихъ людей къ вѣрноподданнической присягѣ; въ провинціи стали присягать на вѣрность ея императорскому величеству въ среднихъ числахъ февраля, но не вездѣ и не всѣ; въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ отъ столицы городахъ присягали въ апрѣлѣ, въ маѣ, даже въ іюлѣ (Полн. собр. постан. и распор. по вѣд. прав. испов. т. V, № 1674, стр. 212); многіе даже изъ архіереевъ и архимандритовъ, прибывшихъ въ Петербургъ къ погребенію тѣла почившаго императора, приведены были къ присягѣ въ Троицкомъ соборѣ только 12 марта 1725 года (тамъ же, № 1499, стр. 37—8, примѣч). Вопросъ о приведеніи къ присягѣ раскольниковъ былъ возбужденъ 15 марта; въ этотъ день правительствующій Сенатъ и святѣйшій Синодъ согласно разсудили: „въ Москвѣ раскольниковъ къ присягѣ приводить“ и притомъ „въ тѣхъ же церквахъ, гдѣ прочіе присягаютъ“; но какъ именно должны были приносить присягу ревнители мнимой старины, объ этомъ въ состоявшемся 15 марта опредѣленіи Сената и Синода не было сказано ничего опредѣленнаго; а было только замѣчено: „и какимъ образомъ (приводить раскольниковъ къ присягѣ), о томъ чинить по согласію съ преосвященнымъ Питиримомъ, архіепископомъ нижегородскимъ, который для того въ Москву отправляется изъ Санктпетербурха наскоро; а какъ общее о томъ въ Сенатѣ и въ святѣйшемъ Синодѣ разсужденіе было, о томъ сослаться на его изустное объявленіе“ (тамъ же, № 1504, стр. 42—3). Эти слова прямо показываютъ, что раскольники приносили присягу на вѣрность императрицѣ Екатеринѣ I-й хотя въ тѣхъ же церквахъ, въ которыхъ присягали и православные, но не по общей съ православными формѣ, а по особо указанному Сенатомъ и Синодомъ

порядку, о которомъ впрочемъ правительство не считало удобнымъ объявлять во всеобщее свѣдѣніе и о которомъ московскія власти могли получить точныя и обстоятельныя свѣдѣнія только изъ „изу-стнаго объявленія“ нижегородскаго преосвященнаго Питирима. Чѣмъ вызвана была эта таинственность,—изъ указа не видно; но можно думать, что Сенату и Синоду не были неизвѣстны предубѣжденія русскихъ людей противъ новой императрицы и при томъ—не только простыхъ, придерживавшихся старины, которые еще раньше вступленія Екатерины I на престолъ называли ее не иначе, какъ „иноземкой“ (Раск. дѣла XVIII ст. Есиповъ т. 2, стр. 81, 93, 185), „шведкой“ (тамъ же, стр. 41), съ которою государь „сжился прежде вѣнца“ (тамъ же, стр. 46) и ради которой царь „своими руками убилъ“ (тамъ же, стр. 41; т. 1, стр. 11, 13, 15) сына своего Алексѣя, „природнаго“ наслѣдника „отъ истинной жены“ (тамъ же, т. 1, стр. 164), „чтобъ ему царевичу не царствовать“ (тамъ же, т. 2, стр. 41), и сдѣлалъ наслѣдникомъ престола сына шведки—Петра, родившагося „съ зубами, антихриста“, во время царствованія котораго царица, хотя она и христіанка, непременно „сообщится съ иноземцами и будетъ отъ нихъ христіанамъ спона потому, что де она не здѣшной породы“ (тамъ же, т. 1, стр. 164),—но и занимавшихъ видное общественное положеніе—архимандритовъ—въ родѣ настоятеля Александро-свирскаго монастыря Александра, не хотѣвшаго праздновать тезоименитство и пѣть молебны о здравіи не только Екатерины, но даже и Петра, женившагося на иноземкѣ „своею царскою властію“, безъ „вѣдома и благословенія перваго архіерея и всего освященнаго собора“ (тамъ же, стр. 135—155), и даже архіереевъ—въ родѣ Лаврентія, епископа астраханскаго, не мало времени уклонявшагося отъ принесенія присяги новой императрицѣ—подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не смѣлъ этого дѣлать „безъ писменнаго отъ Синода указу“ (Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. пр. исп. т. V, № 1674, стр. 212, § 4). Нѣтъ сомнѣнія, что раскольники, на ожидавшіе добра для Россіи отъ „сына шведки“, еще съ большимъ предубѣжденіемъ отнеслись къ вступленію на всероссійскій престолъ самой „иноземки“ Екатерины Алексѣевны,—и расположить ихъ къ принесенію присяги на вѣрность новой императрицѣ

было дѣломъ нелегкимъ—тѣмъ болѣе, что присяга для ревнителей древняго благочестія была въ данномъ случаѣ совершенною новостію. Правда, когда по смерти назначеннаго (въ 1718 г.) наслѣдникомъ престола сына Екатерины Петра Петровича, скончавшагося въ 1719 году, Петръ I, не имѣя прямого наслѣдника, рѣшился оповѣстить всю Русь православную, что онъ и „по немъ правительствующіе государи російскаго престола“ могутъ назначать себѣ наслѣдникомъ „кого похотятъ“, по всей Россіи были разсланы (въ 1722 г.) его императорскаго величества указы, которыми предписывалось „какъ духовнаго, такъ и военнаго и гражданскаго безъ изыятія всякаго чина людей“ привести къ присягѣ „противъ прислаянныхъ его импер. величества печатныхъ уставу и присяги“, которые содержали въ себѣ „высокую волю“ государя относительно престолонаслѣдія и къ которымъ велѣно было пришить бѣлыя тетради—съ тѣмъ, чтобы каждый присягавшій „своеручно“ подписывался на нихъ (Полн. собр. пост. и распор. т. II, № 677, стр. 354); но, какъ видно изъ указа 15 марта 1725 года, раскольники въ это время не были приведены къ присягѣ; по крайней мѣрѣ ни Сенату, ни Синоду ничего не было извѣстно объ этомъ, такъ какъ въ указѣ прямо говорилось: „а сенатору Андрею Артамоновичу Матвѣеву прислать извѣстіе, справясь въ московской конторѣ, прежде сего тѣ раскольники, и именно въ 1722 году, у присяги были ль и какимъ образомъ присягали“¹⁾. Удачно ли исполнилъ преосв. Питиримъ данное ему довольно щекотливое порученіе, — неизвѣстно; но видно, что правительство и не рассчитывало на быстрый успѣхъ въ дѣлѣ приведенія раскольниковъ къ присягѣ на вѣрность новой императрицѣ: „а какъ эта присяга, читаемъ въ указѣ 15 марта 1725 года, порядочно начало свое приметь, тогда его преосвященнаго уволить въ его епархію“ (Полн. собр. пост. и распор. т. V, № 1504, стр. 43).

¹⁾ Къ мысли о томъ, что въ 1722 году раскольники не принесли присяги, располагаетъ и то обстоятельство, что въ Высочайшемъ указѣ повелѣвалось приводить къ присягѣ «всякаго чина людей, кромѣ крестьянъ» (Полн. собр. пост. и распор. по вѣд. прав. испов. т. II, № 466, стр. 118; см. № 677, стр. 354); а расколъ, какъ извѣстно, сосредоточивается по преимуществу въ крестьянствѣ.

Мы не знаемъ, приводили ль раскольниковъ къ вѣрноподданнической присягѣ послѣ 1725 года до вступленія на престолъ императрицы Екатерины II-й—включительно, когда у насъ, благодаря петровскому „уставу о наслѣдствѣ“, происходили, по выраженію одного проповѣдника елисаветинскаго царствованія, „частыя и вредительныя перемѣны“¹⁾; но мы можемъ указать несомнѣнныя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что, благодаря указамъ 15 мая 1722 (Собран. постановл. по части раскола, 1860 г. кн. I, стр. 36, § 12), 4 іюня 1724 (тамъ же, стр. 99) и 19 декабря 1745 (тамъ же, кн. 2, стр. 234), которыми повелѣвалось „раскольникамъ ни у какихъ дѣлъ начальниками не быть, а быть только въ подчиненныхъ, такожь и въ свидѣтельство нигдѣ ихъ не принимать, яко вѣры вовсе недостойныхъ, кромѣ того, что между собою, и то по случаю“, раскольники до императрицы Екатерины II, мало по малу возвратившей ревнителямъ старины всѣ гражданскія права, которыхъ они были лишены великимъ преобразователемъ Россіи, видѣвшимъ въ раскольникахъ „лютыхъ непріятелей, непрестанно государю и государству зломыслящихъ“, — къ такъ называемой очистительной присягѣ не допускались. Въ 1768 году между малороссійскими владѣльцами и поселившимися съ давнихъ поръ на ихъ грунтахъ раскольниками возникли споры „касательно возвращенія оныхъ грунтовъ малороссіянамъ и по разнымъ челобитчиковымъ искамъ“; споры приняли такой оборотъ, что безъ свидѣтелей со стороны раскольниковъ и безъ приведенія ихъ къ присягѣ раскольники, „хотя бъ чье дѣло было и право“, рисковали „остаться безъ удовольствія и лишиться земель своихъ напрасно“. Кіевская губернская канцелярія, которой назначенный „къ разобранію о тѣхъ спорныхъ земляхъ слѣдователь, маіоръ Пущинъ, донесъ“, что „по порученной ему комиссіи, нѣкоторыя дѣла пришли къ допросу сви-

¹⁾ Въ манифестѣ о присягѣ на вѣрноподданство императрицѣ Екатерины II-й о раскольникахъ не говорилось ни слова, а только повелѣвалось привести къ присягѣ «всѣхъ Ея императорскаго Величества вѣрноподданныхъ, какъ духовнаго, такъ мірскаго, военнаго и гражданскаго чина и всякаго званія людей, кромѣ пашенныхъ крестьянъ» (И. С. З. т. XVI, № 11,591). —

дѣтелей“ , что „по силѣ указовъ“ раскольниковъ „ни въ какія свидѣтельства принимать не велѣно“ и что „если ихъ, раскольниковъ, по неимѣнію стороннихъ свидѣтелей, къ утверженію своей достовѣрности къ тому свидѣтельству и присягѣ не допустить, то вовсе безнадежно, чтобъ которая слобода грунта свои содержать могла, а малороссійскіе владѣльцы оставаться будутъ съ авантажемъ“, — сама не сочла себя въ правѣ рѣшить вопросъ о допущеніи раскольниковъ къ свидѣтельству и къ присягѣ, и обратилась въ Сенатъ съ представленіемъ, въ которомъ вывела на справку съ одной стороны указъ 4 іюня 1724 года, повелѣвавшій раскольниковъ „во свидѣтельство нигдѣ не принимать“, а съ другой—14 артикулъ 9 раздѣла, книги статута о малороссійскихъ правахъ, гдѣ между прочимъ сказано, что „свидѣтелями въ дѣлахъ грунтовыхъ и въ доказательствѣ на владѣнныя земли, также и во всякомъ дѣлѣ“, за исключеніемъ жидовъ, могутъ быть не только „люди исповѣданія христіанскаго всякаго званія“, лишь бы они были „люди добрые, добродѣтельныя, богобоящіеся и ни въ чемъ неподозрительныя“, но даже татары, которые, въ случаѣ тяжбы о грунтахъ „между собою и съ людьми христіанскими“, имѣютъ право „по своему закону присягу дѣлать“, только бѣ были люди „добрые и честныя“. 13 августа 1768 года третій департаментъ сената, принимая во вниманіе съ одной стороны то обстоятельство, что если живущимъ въ Малороссіи раскольникамъ въ возникшихъ у нихъ съ тамошними владѣльцами спорахъ о грунтахъ не дозволить присяги, то, „по неимѣнію на то съ ихъ стороны другихъ доказательствъ“, они могутъ лишиться „собственности своихъ земель“ и, „увиди себѣ такое притѣсненіе“, могутъ, „оставя свое нынѣшнее жилище“, удалиться за границу, „отъ чего ихъ, по близости къ оной, удержать весьма трудно“, съ другой—то, что судамъ тамошнимъ, „къ уравненію на обѣ стороны правосудія“, другаго способа не остается, какъ только рѣшить ихъ споры „присягою по малороссійскимъ правиламъ, которыя оную дозволяютъ всѣмъ генерально, не выключая и татаръ, а запрещаютъ однимъ только жидамъ“, опредѣлил: „для вышеизображенныхъ резоновъ, на сей случай“, раскольниковъ, поселившихся въ Малороссіи на опредѣленныхъ имъ земляхъ, „въ сходствіе

малороссійскихъ правъ“, къ присягѣ допустить—тѣмъ болѣе, что присланный отъ тѣхъ самыхъ раскольническихъ слободъ въ комиссію проекта новаго уложенія депутатъ „къ присягѣ допущенъ былъ“¹⁾; но такъ какъ именно 1724 года 4 іюня указъ повелѣвалъ раскольниковъ во свидѣтельство нигдѣ не принимать, то 3-й департаментъ счелъ нужнымъ опредѣленіе свое „предложить въ общее собраніе“ правительствующаго Сената, который 17 февраля 1769 года приказалъ: „какъ къ разобранію происшедшихъ между малороссійскими владѣльцами и раскольниками о грунтахъ споровъ никакого способа, кромѣ допущенія раскольниковъ къ присягѣ и въ свидѣтельство не находится, то, согласно съ разсужденіемъ 3 сената департамента и въ сходственность малороссійскихъ правъ, книги статута, раздѣла 9, артикула 14, допустить раскольниковъ къ присягѣ и ко свидѣтельству“ (Собран. постан. по части раскола, 1860 г. кн. 1, стр. 656—660). Изъ опредѣленія не видно, по какой формѣ раскольники должны были приносить присягу, т. е. согласно ли указу 15 марта 1725 года—въ тѣхъ же церквяхъ, гдѣ и другіе присягали, или, что намъ представляется болѣе вѣроятнымъ, „по своему закону“, что дозволено было статутомъ относительно даже татаръ; видно только, что опредѣленіе касалось раскольниковъ малороссійскихъ слободъ и разрѣшало присягу только „на сей случай“, т. е. для рѣшенія спора ихъ о грунтахъ съ малороссійскими владѣльцами.

Въ скоромъ времени, по милости великой Екатерины, раскольники сравнены были съ остальными вѣрноподданными во всѣхъ правахъ гражданскихъ. Въ 1782—3 гг. правительство не только освободило ревнителѣй древняго благочестія отъ платежа двойнаго оклада, но и сняло съ нихъ самое „наименованіе раскольника“, приказавъ состоявшихъ доселѣ въ двойномъ окладѣ городскихъ и сельскихъ жителей вписывать „въ книги, въ ревизскія сказки и въ прочіе списки“—каждаго по его, званію: купца—въ купечество, мѣщанина—въ мѣщанство, цеховаго—въ цехъ, крестьянина—въ

¹⁾ Всѣми депутатами присяга была принесена 30 іюля 1767 года Истор. Россіи, Соловьева, т. 27, стр. 84—5).

крестьянство, не касаясь нисколько, кто и какими правилами закону Христову и правиламъ св. церкви повинуются“, при чемъ свѣтская власть не должна была „вмѣшиваться въ различіе, кого изъ жителей въ числѣ правовѣрныхъ, или кого въ числѣ заблуждающихся почитать“, и обязывалась только „надъ всеѣми вообще наблюдать, дабы каждый поступалъ по предписаннымъ государственнымъ узаконеніямъ“ (тамъ же, стр. 707—712). А это значило, что теперь раскольники освобождались отъ всеѣхъ тѣхъ ограниченій, которымъ были подвергнуты въ прежнія царствованія за свой расколъ; съ нихъ снималось клеймо людей, вѣрны недостойныхъ, и они наравнѣ съ остальными вѣроподданными получали право не только быть свидѣтелями, но и поступать на общественную службу, занимать тѣ или другія гражданскія должности. Скоро, именно въ 1785 году этотъ вопросъ былъ рѣшенъ законодательнымъ путемъ. Въ означенномъ году 21 апрѣля была обнародована Высочайшая грамота на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи (П. С. З. т. XXII, № 16, 188). Въ силу новыхъ правъ, въ городахъ начались новые выборы должностныхъ лицъ. Въ уѣздномъ городѣ „Новое Мѣсто“ городской голова Батура почему-то „баллотировалъ и выбралъ въ бургомистры и ратманы“ однихъ только раскольниковъ, не извѣстивши даже о выборахъ остальныхъ жителей „Новаго Мѣста“. Само собою разумѣется, что новомѣстное общество было недовольно такимъ поступкомъ своего головы и обратилось съ жалобой на него въ новгородъ-сѣверское намѣстническое правленіе. Бывшій въ это время намѣстникомъ графъ Румянцевъ-Задунайскій, которому новомѣстное общество также подало жалобу, предписалъ означенному правленію увѣдомить его, какое оно сдѣлало по этому предмету опредѣленіе; „основавшись на приличныхъ въ семь случаевъ законахъ“, правленіе постановило, что „выборъ главою Батурою изъ раскольниковъ въ новомѣстскій магистратъ въ присутствующіе учиненъ не въ сходственность депутатскаго наказа“ и что такъ какъ кромѣ раскольниковъ имѣется въ томъ городѣ „довольное число людей осѣдлыхъ изъ тамошнихъ гражданъ и не раскольниковъ“, то, по мнѣнію правленія, слѣдовало выбрать „на мѣсто“ раскольниковъ „другихъ изъ тамошняго общества, а въ случаѣ недостатка мѣщанъ, и изъ

другихъ званій“, о чемъ и представило графу. Румянцевъ на томъ основаніи, что, „при сочиненіи проекта новаго уложенія, были приняты депутаты и изъ раскольническаго общества“, предписалъ правленію вопросъ о томъ, можно ли раскольниковъ по городамъ, гдѣ онѣ записаны купцами, или мѣщанами, выбирать въ присутствующіе въ магистратахъ, — „представить прежде на резолюцію правительствующему Сенату“. Донеся объ этомъ „на благоусмотрѣніе“ Сената, новгородъ-сѣверское намѣстническое правленіе испрашивало отъ него „повелѣнія“, — выбирать ли раскольниковъ въ городовыя магистраты въ должности, „а особливо тамъ, гдѣ меньшее число оныхъ раскольниковъ въ томъ городѣ находится“. Сенатъ хотя и вывелъ на справку изъ духовнаго регламента пунктъ, которымъ запрещалось „возводить“ раскольниковъ „на власти, не токмо духовныя, но и на гражданскія, даже до послѣдняго начала и управленія“, и извѣстный уже намъ указъ 1724 года іюня 4, — тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе указъ отъ 12 ноября 1782 года, которымъ повсюду дано было знать, что „Всемилоствѣйшее увольненіе отъ двойнаго оклада городскихъ и сельскихъ жителей простирается единственно только на раскольниковъ“, — приказали: „по силѣ Высочайшихъ ея императорскаго величества учрежденій“ (П. С. З. т. XX, № 14,392) и 49, 92 и 127 статей Высочайше изданнаго (въ 1785 г.) городского положенія, „не исключается никто отъ гражданскихъ должностей, буде кто, въ сходственность 49 ст. городского положенія и обряда, баллотированіемъ къ тому выбранъ будетъ, поелику всякой неизъемлемо пользуется по сему всемилоствѣйшему ея величества установленію на равнѣ съ прочими общими правомъ“ (Собран. пост. по части раск. 1860 г., кн. 1, стр. 729—732). А такъ какъ лица, избранныя на ту или другую должность, обязаны были присягать на вѣрность службы, то само собою разумѣется, что та же обязанность возлагалась и на раскольниковъ, удостоившихся избранія на ту или другую должность. По какой формѣ присягали раскольники, — объ этомъ трудно сказать что-либо положительное. Судя по тому, что въ примѣчаніи къ 17 пункту 123 ст. городского положенія было сказано: „всякъ да присягаетъ по своей вѣрѣ“ (П. С. З. т. XXII, № 16,188,

стр. 370), можно думать, что въ царствованіе Екатерины II-й раскольники приносили присягу не предъ православными священниками и не по обрядамъ и установленіямъ православной церкви, а по своему раскольническому обряду; по крайней мѣрѣ такъ думали объ этомъ, какъ увидимъ послѣ, не только духовныя консисторіи, но и самъ святѣйшій Синодъ (Собран. постановл. по част. раск. 1860 г., кн. 2, стр. 234 и 246). Также смотрѣть на дѣло побуждаетъ и то обстоятельство, что появившіеся въ царствованіе Екатерины II-й въ безпоповщинѣ новыя сектанты, извѣстные подъ именемъ странниковъ, обвиняя остальныхъ раскольниковъ въ томъ, что они „въ начальство поступали съ присягою... съ цѣлованіемъ евангелія и креста“ (Сборн. правит. свѣд. о раскольникахъ, Кельсиева, вып. 4, стр. 276), ни однимъ словомъ не упрекали ихъ въ томъ, что они приносили присягу предъ „антихристовыми жрецами“, какъ называли странники православныхъ священниковъ (тамъ же, стр. 249).

О томъ, какъ присягали раскольники въ кратковременное царствованіе императора Павла Петровича, мы не имѣемъ данныхъ. Что же касается царствованія Александра I-го, въ первомъ манифестѣ заявившаго, что онъ намѣренъ управлять врученный ему народъ по законамъ и по сердцу въ Божѣ почивающей бабки (И. С. З. т. XXVI, № 19, 779), а затѣмъ позволившаго нѣкоторымъ сектантамъ не присягать вовсе (Собран. постановл. по част. раскол. 1858 г., стр. 52 и 60), то нѣтъ сомнѣнія, что въ это время раскольники приносили присягу по своему раскольническому обряду, какъ это дѣлалось и при Екатеринѣ II-й. Даже въ первые годы царствованія, императора Николая Павловича раскольники, съ вѣдома и разрѣшенія церковной власти, принимали присягу не въ православныхъ церквахъ и не предъ православными священниками, а по своему раскольническому обряду и въ своихъ моленныхъ. Въ 1829 году протоіерей уральскаго единовѣрскаго Архангельскаго собора попалъ подъ судъ по обвиненію въ выдачѣ имъ недоросямъ изъ дворянъ фальшивыхъ о рожденіи ихъ свидѣтельствъ. Назначенный для разслѣдованія этого дѣла священникъ единовѣрскаго же уральской Казанской церкви Семеновъ обратился къ

мѣстному епархіальному начальству за разрѣшеніемъ, какъ поступить ему съ свидѣтелями по этому дѣлу, раскольниками уральской часовни, „въ разсужденіи привода ихъ къ присягѣ“. Оренбургская духовная консисторія представила мѣстному епископу, преосвящен. Аркадію, впоследствии пермскому, а затѣмъ олонецкому, что такъ какъ по указамъ 15 мая 1722, 4 іюня 1724 и 19 декабря 1745 гг. раскольниковъ принимать во свидѣтельство не велѣно, а въ городовомъ положеніи въ примѣчаніи къ 17 пункту 123 ст. изображено: всякъ да присягаетъ по своей вѣрѣ, то она, консисторія, „находится въ недоумѣніи разрѣшить вопросъ священника Семенова“—тѣмъ болѣе, что съ одной стороны запрещеніе приводитъ раскольниковъ къ присягѣ по ихъ обряду тамъ, гдѣ нѣтъ другихъ свидѣтелей, можетъ останавливать дѣло, а съ другой—дозволеніе раскольникамъ присяги можетъ имѣть вліяніе „на укорененіе раскола“ и содѣйствовать его распространенію. Затрудняясь рѣшить недоумѣніе консисторіи самъ, преосв. Аркадій представилъ недоумѣнный вопросъ на разсмотрѣніе св. Синода, который указомъ отъ 31 октября 1829 года далъ знать преосвященному, что раскольники, на основаніи указовъ 1722, 1724 и 1745 годовъ, которые приведены въ мнѣніи оренбургской консисторіи, не могутъ быть допускаемы къ свидѣтельству въ дѣлахъ, „до православныхъ людей касающихся“, но въ дѣлахъ между собою они по тѣмъ же указамъ могутъ быть свидѣтелями, и „въ сихъ случаяхъ должны быть приводимы къ присягѣ по ихъ раскольническому обряду“, согласно съ упомянутымъ въ представленіи узаконеніемъ, именно городоваго положенія 123 ст., гдѣ въ примѣчаніи ¹⁾ на 17

¹⁾ На это примѣчаніе св. Синодъ впервые сослался еще въ 1826 году. Въ этомъ году министръ юстиціи получилъ донесеніе о томъ, что проживавшихъ въ городѣ Уральскѣ по торговымъ дѣламъ армянь-тамашнее православное духовенство не допускало къ присягѣ на вѣрно-подданство Его Императорскому Величеству, какъ не принадлежащихъ къ православію. Министръ обратился съ вопросомъ по этому предмету къ синодальному оберъ-прокурору князю Мещерскому, который въ скоромъ времени увѣдомилъ министра, что, по опредѣленію св. Синода, гражданскому правительству слѣдовало поступить въ даннонь случай на основаніи 123 ст. городоваго положенія, гдѣ въ примѣча-

пунктъ изображено; „всякъ да присягаетъ по своей вѣрѣ“ (Собр. постановл. по части раскола, 1860 г., кн. 2, стр. 233—4).

Тотъ же взглядъ на разсматриваемый нами вопросъ былъ высказанъ св. Синодомъ и въ 1831 году, только еще рѣшительнѣе. Въ этомъ году вятская гражданская палата дважды требовала отъ мѣстной консисторіи, чтобы послѣдняя побудила священниковъ города Саранула „привести къ очистительной присягѣ“, по долговымъ дѣламъ, тамошнихъ жителей—купца Ивана Зайцева и мѣщанъ Ивана Судакова и Демида Зайцева „по старообрядчеству, по причинѣ состоянія ихъ въ расколѣ“. Консисторія мнѣніемъ своимъ „заключила“: хотя въ 161 пунктѣ X главы Уложенія ¹⁾ и въ 17 пунктѣ 123 ст. городского положенія и повелѣвается: „иностранцевъ и раскольниковъ приводить къ присягѣ по ихъ вѣрѣ и закону“; но поелику нѣтъ ясныхъ и опредѣленныхъ узаконеній на то, кто долженъ „въ потребныхъ случаяхъ“ приводить раскольниковъ къ присягѣ, т. е. православный ли священникъ, или кто другой, то безъ разрѣшенія этого обстоятельства со стороны „высшаго правительства“ она, консисторія, не можетъ поставить священникамъ въ обязанность приводить раскольниковъ, по требованію свѣтскаго начальства, къ присягѣ „безъ всякаго прекословія“. Св. Синодъ, на благоусмотрѣніе котораго вятскій преосвящ. Кириллъ представлялъ возникшее недоумѣніе, указомъ отъ 29 января 1831 года далъ знать преосвященному, что „поелику православные священники должны приводить къ присягѣ по обрядамъ и установленіямъ православной нашей церкви, раскольники же чуждаются православной церкви, таинствъ и служителей ея; то и приводимы быть къ присягѣ православными священниками не могутъ“ (тамъ же, стр. 246—7).

Въ 1834 году вопросъ о приведеніи къ присягѣ раскольни-

ни на 17 пунктѣ сказано: «всякъ да присягаетъ по своей вѣрѣ», и что за неимѣніемъ въ Уральскѣ церкви армянскаго исповѣданія, по силѣ указа 1793 года февраля 8 (П. С. З. т. XXIII, № 17, 101), слѣдуетъ приводить армянъ къ присягѣ «въ присутственномъ мѣстѣ при членахъ онаго» (2-е П. С. З. т. I, № 635).

¹⁾ Здѣсь разумѣется Уложеніе Алексѣя Михайловича.

ковъ возникъ и въ московской епархіи. Въ этомъ году по дѣлу о денежномъ московской купеческой вдовы Настасьи Корчагиной и дочери ея Авдотьи Хлудовой искъ съ купца Козьмы Корчагина было опредѣлено: „дать купцу Козьмѣ Корчагину очистительную въ присуждаемой магистратомъ ко взысканію съ него суммѣ (19 т. руб. съ процентами) присягу, по правиламъ, для сего установленнымъ, и буде онъ такую присягу учинить, то освободить его отъ взысканія означенной суммѣ, а если откажется отъ присяги, въ такомъ случаѣ обязать оную заплатить“. Московское епархіальное начальство, которому предложено было привести въ исполненіе означенное опредѣленіе, „въ назначеніи церкви и священника, для приведенія Корчагина къ присягѣ, отказало“—на томъ основаніи, что онъ, Корчагинъ, по исповѣднымъ книгамъ за многіе годы показанъ раскольникомъ и что самъ онъ согласился дать присягу только на старообрядческомъ Рогожскомъ кладбищѣ, и особенно потому, что и невѣстка Корчагина и дочь ея Хлудова были „одной съ нимъ секты“. Только уже послѣ того, какъ правительствующій Сенатъ, имѣя въ виду указы 7,205 ¹⁾ февраля 21 и 1725 марта 15, передалъ это дѣло на разрѣшеніе св. Синода, почившій московскій архипастырь Филаретъ представилъ при донесеніи св. Синоду полученное имъ отъ московскаго купца Андріана Озерскаго письмо, „съ изъясненіемъ, что въ случаѣ допущенія купца Корчагина къ принятію очистительной присяги на Рогожскомъ кладбищѣ, чрезъ раскольниковскаго попа, надлежитъ опасаться большаго соблазна; ибо обстоятельства сего дѣла обратили уже многихъ вниманіе“. Св. Синодъ указомъ отъ 10 марта 1834 года *предписалъ* митр. Филарету, чтобы „касательно приведенія, по требованію свѣтскаго правительства ²⁾, къ очистительной присягѣ состоящаго въ расколѣ московскаго купца Козьмы Корчагина было поступлено согласно съ указомъ отъ 15 марта 1725 года, кото-

¹⁾ Т. е. указъ 1687 г. 21 февраля, въ которомъ дѣйствительно рѣчь идетъ и о присягѣ (П. С. З. т. III, № 1572, § 8).

²⁾ Эти слова показываютъ, что Синодъ въ данномъ случаѣ только уступалъ, по прежнему считая присягу раскольниковъ въ церкви православной—дѣломъ неправильнымъ.

рымъ велѣно приводить и раскольниковъ къ присягѣ въ тѣхъ же церквахъ, гдѣ прочіе присягають“ (тамъ же, стр. 268—270).

Въ 1836 году вопросъ о приведеніи раскольниковъ къ присягѣ обращаетъ на себя вниманіе императора Николая Павловича и получаетъ рѣшеніе, которое, сколько намъ извѣстно, не отмѣнено и доселѣ. Въ началѣ этого года по поводу нѣкоторыхъ дѣлъ возникъ вопросъ: могутъ ли быть допускаемы раскольники къ очистительной присягѣ по дѣламъ тяжбымъ и въ другихъ случаяхъ. По доведеніи этого вопроса до свѣдѣнія государя императора, Его Величество 17 января 1836 года Высочайше повелѣть соизволилъ: „когда раскольникъ по суду назначена будетъ очистительная присяга, то, по руководству примѣч. къ ст. 1847 свода гражданскихъ законовъ т. X, приводить его къ присягѣ въ православной церкви, стараясь по возможности преимущественно употреблять при семъ случаѣ старопечатное евангеліе и стариннаго устроенія крестъ, къ коимъ раскольники оказываютъ болѣе благоговѣнія“ (Собр. пост. по част. раск. 1858 г., стр. 197). Въ мартѣ того же 1836 года дошло до свѣдѣнія государя, что одинъ раскольникъ безпоповщинской секты, избранный въ общественную должность, былъ приведенъ къ присягѣ уставщикомъ сей секты въ раскольнической моленной; 11 марта 1836 г. Его Величество Высочайше повелѣлъ: „приводить къ присягѣ раскольниковъ на должности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по необходимости допущено ихъ избирать, точно такъ, какъ постановлено Высочайшакъ повелѣніемъ 17 января 1836 года исполнять раскольникамъ очистительную присягу,—въ православныхъ церквахъ“ (тамъ же, стр. 210). Не смотря однако же на такія ясныя Высочайшія повелѣнія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раскольниковъ, по военно-судебнымъ и слѣдственнымъ дѣламъ, продолжали приводить къ присягѣ раскольническіе наставники, а не православные священники; такъ, по крайней мѣрѣ, было въ Ригѣ, что дало рижскому духовному начальству поводъ требовать приведенія раскольниковъ къ присягѣ, согласно Высочайшему повелѣнію 17 января 1836 года, до того настойчиво, что рижскій военный генералъ-губернаторъ вынужденъ былъ донести объ этомъ военному министру, который съ своей стороны сообщил от-

ношеніе генералъ-губернатора министру внутреннихъ дѣлъ. По доведеніи обо всемъ этомъ до свѣдѣнія государя императора, Его Величество 3 ноября 1838 года Высочайше повелѣть соизволилъ: „не дѣлая особаго общаго постановленія, разрѣшить возникшій вопросъ собственно для Риги слѣдующимъ образомъ: 1) по призывенію къ Высочайшему повелѣнію 17 января 1836 года объ очистительной присягѣ, и къ свидѣтельской присягѣ приводить раскольниковъ преимущественно въ церкви, съ употребленіемъ для сего евангелія старопечатнаго и креста древняго устроенія; 2) въ особенныхъ случаяхъ, по усмотрѣнію начальства, дозволить исполнять свидѣтельскую присягу въ судѣ; 3) для сего евангеліе и крестъ вышеозначеннаго вида должны быть принесены православнымъ священникомъ, который и долженъ увѣщевать вопрошаемаго о показаніи истины и въ особенности изъяснить ему, что, произнося присягу предъ святымъ евангеліемъ и святымъ крестомъ, онъ произносить ее предъ Самимъ всевидящимъ Богомъ и непремѣнно подвергнетъ себя праведному суду Его, если по присягѣ не скажетъ чистой истины“ (тамъ же, стр. 313—314). Въ концѣ 1851 года императору Николаю Павловичу представился случай снова сказать свое слово по разсматриваемому нами вопросу. Архангельскій губернаторъ призналъ возможнымъ и нужнымъ въ селеніяхъ и волостяхъ государственныхъ крестьянъ Мезенскаго и Кемскаго уѣздовъ раскольниковъ всѣхъ вообще сектъ избирать въ должности сотскихъ и десятскихъ и свои предположенія по этому предмету представилъ на благоусмотрѣніе высшаго начальства; по доведеніи этихъ предположеній до свѣдѣнія государя императора, Его Величество въ 27 день декабря 1851 года Высочайше повелѣлъ: „дозволить въ сказанныхъ селеніяхъ и волостяхъ избирать въ должности сотскихъ и десятскихъ и утверждать въ оныхъ раскольниковъ всѣхъ вообще сектъ; при приведеніи же сихъ людей къ присягѣ, въ точности руководствоваться 79 ст. XIV т. Св. Зак. (изд. 1842 г.) Уст. о пред. и пресѣч. прест. и Высочайшимъ повелѣніемъ 11 марта 1836 года“ (тамъ же, стр. 561—2). Въ 1852 году почему-то явилась надобность раскольникамъ быть свидѣтелями нехристіанъ.

Государь императоръ 15 мая означеннаго года Высочайше повелѣть соизволилъ: „раскольниковъ поповщинской и безпоповщинской сектъ, по дѣламъ противу нехристанъ, приводить къ свидѣтельской присягѣ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 3 ноября 1838 года, т. е. въ церкви, но съ употребленіемъ для сего евангелія старопечатнаго и креста древняго устройства“ (тамъ же, стр. 569).

Само собою разумѣется, что вышеизложенныя Высочайшія повелѣнія, послѣдовавшія въ царствованіе императора Николая Павловича, сдѣлались закономъ и для власти церковной, смотрѣвшей, какъ мы уже видѣли, въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ на приведеніе раскольниковъ къ присягѣ въ православныхъ церквахъ православными священниками, какъ на дѣло по меньшей мѣрѣ неудобное. Въ 1854 году виленскій уѣздный судъ обратился въ литовскую духовную консисторію съ вопросомъ, какинъ образомъ раскольника Дмитрія Морозова привести къ присягѣ, присужденной ему гражданскимъ судомъ по денежному дѣлу; преосв. Тосифъ, митрополитъ литовскій, въ виду того, что по данному вопросу, „по частнымъ мѣстнымъ случаямъ“, не мало состоялось особыхъ узаконеній, представилъ обстоятельство это на разрѣшеніе св. Синода. Указомъ отъ 11 февраля 1854 года св. Синодъ увѣдомилъ преосвященнаго, что „раскольниковъ слѣдуетъ приводить къ присягѣ въ православной церкви, стараясь преимущественно, по возможности, употреблять при семъ случаѣ старопечатное евангеліе и стариннаго устройства крестъ, къ коимъ раскольники, по понятіямъ, оказываютъ болѣе благоговѣнія“ (Собран. постанов. по част. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 556).

Такимъ образомъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ данныхъ, въ царствованіе императора Николая Павловича раскольники, по распоряженію самого правительства свѣтскаго и духовнаго, могли присягать и дѣйствительно присягали предъ старопечатнымъ евангеліемъ и предъ крестомъ осьмиконечнымъ, хотя и въ православныхъ церквахъ, при православныхъ священникахъ. Это послѣднее обстоятельство было, очевидно, не по сердцу заблуждающимъ; и вотъ лишь только скончался „царь сильной природы“¹⁾, какъ мо-

¹⁾ Такъ отзывался объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ (Сборн.

сковскіе раскольники, болѣе другихъ избалованные потворствою мѣстныхъ властей, вздумали было возвратиться къ тому порядку вещей, какой существовалъ въ царствованіе Екатерины II — до 1836 года, т. е. рѣшились принести вѣрнопопданническую присягу новому императору не только предъ старопечатнымъ евангеліемъ и стариннаго устройства крестомъ, но и въ своихъ раскольническихъ часовняхъ, въ присутствіи раскольническаго попа, или просто—наставника-мірянина. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской отношеніемъ отъ 28 февраля 1855 года спрашивалъ московскаго святителя Филарета, справедливо ли дошедшія до него свѣдѣнія о томъ, будто бы, по распоряженію мѣстнаго начальства, раскольники поповщинской секты приведены были къ присягѣ на вѣрность подданства государю императору и государю наслѣднику цесаревичу въ одной изъ часовень Рогожскаго богадѣленнаго дома, а безпоповщинскіе раскольники приведены къ присягѣ въ одной изъ часовень Преображенскаго кладбища. Митрополитъ Филаретъ въ письмѣ своемъ (отъ 7 марта 1855 г.) отвѣчалъ министру, что „не прежде 24 февраля“ ему сдѣлалось извѣстнымъ, что присяга на Преображенскомъ кладбищѣ произошла точно такъ, какъ дошло до свѣдѣнія министра, а „по какому распоряженію“, этого онъ, митрополитъ, не знаетъ; что же касается раскольниковъ Рогожскаго кладбища, то вотъ что писалъ объ нихъ трицарственный святитель: „къ удивленію и прискорбію, узнавъ отъ господина московскаго военнаго генераль-губернатора ¹⁾, что они не приняли въ одинъ день совсѣмъ вѣрнопопданнической присяги и желаютъ принять оную не тѣмъ образомъ, какъ предписано въ законѣ, а своимъ, произвольнымъ образомъ, я почелъ долгомъ, по возможности, принять участіе въ прекращеніи сего важнаго неприличія въ столь важномъ случаѣ. Съ согласія господина московскаго военнаго генераль-губернатора, 22-го дня бесѣдовалъ я съ попечителями и

правит. свѣд. о раск. Кельсиева, вып. I, стр. 61) раскольники—еодосѣвцы, больше другихъ сектантовъ испытаніе на себѣ тяжелую руку этого государя.

¹⁾ Графа Закревскаго, который особенно потворствовалъ раскольникамъ Рогожскаго кладбища (Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 620).

нѣкоторыми раскольниками, стараясь кроткими вразумленіями обратить ихъ къ порядку. Но, оставаясь упорными два дня, они, конечно, находили удобнымъ продолжать упорство и далѣе. Посему, когда они согласились принять одно требуемое закономъ условіе, чтобы присяга была при православномъ священникѣ, но продолжали уклоняться отъ другого законнаго условія, чтобы присяга была въ церкви, а желали совершить ее въ часовнѣ: то я рѣшился допустить сіе, по примѣненію къ Высочайшему повелѣнію, изъясненному въ секретномъ указѣ, 13 декабря 1838 года ¹⁾, дабы не продолжилось уклоненіе отъ присяги, или не послѣдовала присяга, съ нарушеніемъ обоихъ законныхъ условій, что дѣйствительно и случилось на Преображенскомъ кладбищѣ“ (Собран. мнѣн. и отвѣт., т. IV, стр. 5—7).

Нѣтъ сомнѣнія, что о „важномъ неприличіи“, допущенномъ московскими раскольниками „въ столь важномъ случаѣ“, доведено было, и даже по желанію митрополита Филарета, до свѣдѣнія Царя-Освободителя, и 29 мая 1855 года государь императоръ изволилъ утвердить положеніе секретнаго комитета, который, принимая во вниманіе вышеприведенный указъ Сената и Синода отъ 15 марта 1725 г., секретный указъ отъ 13 декабря 1838 г., на который ссылался и митр. Филаретъ, и сверхъ того 476 ст. Св. Зак. т. IV, уст. рекр. (изд. 1842 г.), въ которой говорится: „рекруты, по заблужденію своему уклоняющіеся отъ присяги, поступаютъ на службу безъ присяги, токмо случай сей отмѣчается въ формулярныхъ ихъ спискахъ“, и признавая, что означенными постановленіями положительно опредѣляется порядокъ приведенія раскольниковъ къ присягѣ и что за симъ не представляется надобности въ изданіи какихъ-либо новыхъ по этому предмету правилъ, полагалъ: „предоставить министру внутреннихъ дѣлъ входящія къ

¹⁾ Высочайшее повелѣніе, которымъ рижскимъ раскольникамъ позволялось, въ особенныхъ случаяхъ, по усмотрѣнію начальства, исполнять свидѣтельскую присягу не въ церкви, а въ судѣ, послѣдовало 3 ноября 1833 г.; и указъ, въ которомъ было объявлено это повелѣніе, дѣйствительно бытъ изданъ 13 декабря 1838 года (Собран. пост. по част. раск. 1858 г. стр. 631).

нему по упомянутому предмету вопросы разрѣшать на точномъ основаніи приведенныхъ выше узаконеній, поручивъ ему увѣдомить московскаго митрополита, что государь императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: „всѣ указанныя въ Божѣ почивающимъ государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ мѣры въ отношеніи раскольниковъ сохранить въ своей силѣ“ (Собран. постан. по част. раскол. 1858 г. стр. 630—2). Последнее по времени Высочайшее повелѣніе по разсматриваемому нами вопросу, сколько намъ извѣстно, послѣдовало 13 декабря 1863 года и состояло въ разрѣшеніи „приводить раскольниковъ г. Николаевска, Самарской губерніи, къ присягѣ на вѣрность службѣ въ частномъ дождѣ или въ присутствіи городской думы, съ тѣмъ, чтобы таковой приводъ непременно былъ совершаемъ чрезъ православнаго или единовѣрческаго священника по старопечатному евангелію и старинному кресту“ (Собран. постан. по части раскола. С.-Петербургъ, 1875 г., стр. 605).

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ отмѣтить, что поступокъ попечителей Рогожскаго кладбища—купцовъ Мусорина и Шибаева, противъ котораго такъ вооружился неизвѣстный ревнитель православной церкви, а, по его примѣру, и почтенный редакторъ „Братскаго Слова“, не только не заключалъ въ себѣ ничего противозаконнаго и оскорбительнаго для православія, но даже не составлялъ для Москвы и ея судебныхъ установленій простой новости. Еще въ 1867 году общество раскольниковъ Рогожскаго богадѣленнаго дома пожертвовало московскому окружному суду серебряный вызолоченный крестъ и святое евангеліе, изданія патриарха Іосифа, для употребленія ихъ при приведеніи раскольниковъ къ присягѣ. Управлявшій въ то время министерствомъ юстиціи князь Урусовъ отношеніемъ на имя синодальнаго оберъ-прокурора спрашивалъ церковную власть, можно ли дозволить принять московскому окружному суду пожертвованные раскольниками крестъ и старопечатное евангеліе; по обычаю, г. синодальный оберъ-прокуроръ счелъ нужнымъ предварительно узнать мнѣніе объ этомъ московскаго святителя. Прежде, чѣмъ писать Синоду донесеніе, митр. Филаретъ пожелалъ получить свѣдѣнія по этому предмету отъ предсѣдателя окружнаго суда; свѣдѣнія были даны, но „не ясныя“; тогда московскій архипастырѣ

поручилъ кафедральному протоіерееу „сдѣлать мѣстное обозрѣніе“; протоіерей донесъ слѣдующее: „въ залѣ окружнаго уголовнаго суда, на присутственномъ столѣ, поставленномъ поперекъ залы, на одномъ концѣ, на правой сторонѣ, поставленъ ковчегъ съ крестомъ и евангеліемъ для присяги старообрядцевъ, и въ немъ же крестъ и евангеліе для православныхъ, — на другомъ концѣ, на лѣво, таковой же величины и вида—зерцало; разница между ними только та, что на верху ковчега крестъ, а на зеркалѣ государственный гербъ; ковчегъ—треугольный; двѣ заднія стороны глухія, а третья передняя, обращенная къ народу, со стекломъ открывається“. Въ такомъ „поставленіи“ креста и евангелія митр. Филаретъ нашелъ „несообразности“, состоявшія въ томъ, что 1) крестъ и евангеліе находились „на столѣ засѣданій“, что составляетъ принадлежность и преимущество одного только церковнаго собора, или св. Синода, который также есть соборъ, что 2) крестъ и евангеліе занимали на присутственномъ столѣ не главное мѣсто, а были поставлены на концѣ стола, гдѣ сидятъ младшіе члены присутствія и что 3) крестъ и евангеліе, — предметы священные, которымъ прилично благоговѣнное молитвенное поклоненіе, стояли на столѣ въ одинаково устроенномъ вмѣстилищѣ и на одной линіи съ зеркаломъ, которое хотя и составляетъ „въ своемъ родѣ предметъ важный“, но не можетъ претендовать на одинаковое съ крестомъ и евангеліемъ благоговѣнное почитаніе. Съ пѣлію устранить эти несообразности, митр. Филаретъ въ донесеніи своемъ Синоду предлагалъ: „крестъ и евангеліе хранить въ закрытомъ ковчегѣ; ковчегъ долженъ быть помѣщенъ въ присутственномъ залѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ находится святая икона; священникъ, призываемый для приведенія къ присягѣ, долженъ открывать ковчегъ и употреблять оный должнымъ образомъ; въ семь ковчегъ разрѣшить хранить и представленные раскольниками крестъ и старопечатное евангеліе для приведенія къ присягѣ раскольниковъ, согласно съ существующимъ о семь законамъ“ (секр. указ. 13 дек. 1838 г.). И св. Синодъ, „раздѣляя исполнѣ“ мнѣніе своего старѣйшаго члена „касательно дозволенія принять въ московскій окружной судъ представленные раскольниками Рогожскаго богадѣннаго дома крестъ и старопечатное евангеліе, для

приведенія къ присягѣ раскольниковъ, а также касательно помѣщенія и храненія въ томъ судѣ какъ сихъ священныхъ предметовъ, такъ и креста и евангелія для приведенія къ присягѣ православныхъ“, опредѣленіемъ отъ 2—12 юля 1867 года постановилъ: „предоставить г. синодальному оберъ-прокурору увѣдомить о семъ г. управляющаго министерствомъ юстиціи, для зависящаго со стороны его распоряженія“ (Собран. мѣсп. и отзыв., т. V, ч. 2, стр. 974—6).

Изъ всего вышеизложеннаго ясно видно, что порядокъ приведенія раскольниковъ къ присягѣ въ разное время былъ не одинаковъ. Въ 1725 году раскольники должны были присягать въ тѣхъ же церквахъ, гдѣ и другіе присягали, хотя и не по общей съ православными формѣ, а по особой, свѣдѣніе о которой унесъ съ собою въ могилу нижегородскій архіепископъ Питиримъ, не уступившій Петру въ юмористическихъ выходкахъ противъ раскольниковъ (Собран. пост. по част. раскола, 1860 г. кн. 1, стр. 117); въ царствованіе Екатерины II и послѣ раскольники, можно думать, приносили присягу по своему обряду, т. е. не только предъ старопечатнымъ евангеліемъ и осьмиконечнымъ крестомъ, но и въ своихъ раскольническихъ часовняхъ, въ присутствіи своихъ бѣглыхъ поповъ, или даже безпоповщинскихъ наставниковъ мірянъ; съ 1836 года законъ сталъ требовать, чтобы раскольники были приводимы къ присягѣ, за исключеніемъ особыхъ рѣдкихъ случаевъ, въ церквахъ православныхъ, но съ употребленіемъ для сего старопечатнаго евангелія и креста стариннаго устройства. А если такъ, то очевидно, что нетерпимость, съ какою отнеслась редакція „Братскаго Слова“ къ поступку попечителей Рогожскаго кладбища, пожертвовавшихъ прокурору московской судебной палаты старопечатное евангеліе и осьмиконечный крестъ, для привода къ присягѣ „свидѣтелей по старой вѣрѣ“, прежде всего свидѣтельствуемъ о полномъ незнакомствѣ почтенной редакціи съ исторіею этого вопроса. Это—очень не хорошо, хотя и можетъ имѣть нѣкоторое извиненіе; вѣдь не даромъ же существуетъ пословица: „вѣкъ живи, вѣкъ учись“. Къ сожалѣнію, есть другая сторона дѣла, на которую почтенная редакція также не обратила вниманія, вслѣдствіе чего и позволила себѣ въ суж-

деніяхъ своихъ о поступкѣ кушцовъ Мусорина и Шибаева высказать не мало такихъ вещей, которыя не рекомендуютъ способности редакціи вникать въ сущность вопросовъ, о которыхъ она беретса трактовать. Надѣмся, почтенной редакціи извѣстно, съ какимъ предубѣжденіемъ относятся раскольники къ евангелію исправленному и къ кресту четвероконечному; это предубѣжденіе—несправедливо, о немъ можно и должно сожалѣть, его слѣдуетъ всѣчески ослаблять и уничтожать, но съ нимъ нельзя не считаться серьезно до тѣхъ поръ, пока раскольники остаются раскольниками. Съ другой стороны редакція, конечно, знаетъ цѣль, съ которою въ извѣстныхъ случаяхъ установлена закономъ присяга; цѣль присяги состоитъ въ томъ, чтобы этимъ священнымъ и торжественнымъ актомъ обязать совѣсть присягающаго—служить государству вѣрой и правдой, а на судѣ показывать одну только истину. А если такъ, то очевидно, что на данное раскольникамъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ дозволеніе—приносить присягу хотя и въ православныхъ церквахъ, но предъ старопечатнымъ евангеліемъ и стариннаго устройства крестомъ, слѣдуетъ смотрѣть не какъ на уступку заблуждающимъ со стороны „царя сальной натуры“, руководившагося въ своихъ отношеніяхъ къ раскольникамъ „духомъ терпимости, соединеннымъ съ необходимыми мѣрами строгости“ (Собран. пост. по част. раск. 1858 г. стр. 129), но какъ на актъ величайшей мудрости государя, понимавшаго, что только при такихъ условіяхъ принесенная раскольниками присяга можетъ нравственно обязывать заблуждающихъ къ показанію на судѣ правды по чистой совѣсти. Недаромъ же, повелѣвая при приведеніи раскольниковъ къ присягѣ употреблять осьмиконечный крестъ и старопечатное евангеліе, государь прибавилъ: „къ коимъ раскольники оказываютъ болѣе благоговѣнія“. Редакціи „Братскаго Слова“, очевидно, и въ голову не приходило это простое и въ тоже время важное соображеніе; иначе она не осудила бы съ такою строгостію поступокъ попечителей Рогожскаго богадѣленнаго дома, не только не заключающій въ себѣ ничего противозаконнаго и „привилегированнаго“, но—самый естественный со стороны ревнителей „древняго благочестія“, видящихъ въ присягѣ не простую формальность, а рели-

гіозное дѣйствіе величайшей важности. Наконецъ считаемъ долгомъ указать еще на одну особенность въ статьѣ, по поводу которой мы ведемъ свою рѣчь,—особенность, рѣзко бросающуюся въ глаза. Прочитавъ эту статью, въ которой желаніе раскольниковъ Рогожскаго кладбища приносить присягу предъ старопечатнымъ евангеліемъ и осьмиконечнымъ крестомъ призвается оскорбленіемъ православной церкви, читатель можетъ придти къ заключенію, что почтенная редакція не искренно поступала, когда, разсуждая о единовѣрїи и требуя, чтобы даже православнымъ священникамъ въ извѣстныхъ случаяхъ позволено было исполнять требы и совершать службу для единовѣрцевъ по старопечатнымъ книгамъ и съ старыми обрядами, съ пафосомъ восклицала: „развѣ такъ называемый старый обрядъ не православный? развѣ онъ не употреблялся нѣкоторое время въ православной россійской церкви и не дозволенъ теперь православною же церковію къ употребленію“? („Брат. Слов“. 1887 г. № 11, стр. 81). Правда, на страницахъ „Братскаго Слова“ давно уже развивается оригинальная мысль, будто бы такъ называемые старые обряды „не противны православію только тогда, когда они употребляются въ общеніи съ церковію и по ея благословенію“ („Брат. Слов“. 1885 г. № 13, стр. 136; 1887 г. № 11, стр. 80), или другими словами: у единовѣрцевъ старыи обрядъ православенъ и святъ, а у раскольниковъ—не православенъ и не святъ; мысль не только не новая,—она была высказана еще въ 1867 году („Правосл. Обзор“. 1867 г. февр. стр. 246—7), но и несправедливая. Не входя въ подробное обсужденіе этой мысли, замѣтимъ только, что св. Синодъ, какъ видно изъ вышенприведеннаго опредѣленія его отъ ²/₁₂ іюля 1667 года, смотритъ на этотъ вопросъ иначе,—представленные раскольниками Рогожскаго кладбища въ московскій окружный судъ осьмиконечный крестъ и старопечатное евангеліе, для употребленія ихъ при присягѣ раскольниковъ, онъ прямо называетъ „священными предметами“. Что было причиною того, что редакція „Братскаго Слова“, при обсужденіи сдѣланнаго попечителями Рогожскаго кладбища пожертвованія московскимъ судебнымъ установленіямъ, не только допустила явную неправду, но и стала въ прямое противорѣчіе съ собой, мы не знаемъ; можно

только предполагать, что раздраженіе, съ какимъ написана разбираемая нами статья, было вызвано въ почтенной редакціи отчасти тѣми подробностями, какими сопровождалась смерть и погребеніе московскаго капиталиста Морозова, раскольника поповщинской секты, подпись котораго, по словамъ „Братскаго Слова“, красовалась на ряду съ другими подъ жалобой, поданной когда-то на редактора „Братскаго Слова“ московскому генералъ-губернатору. („Братск. Слов.“ 1889 г. № 16, стр. 478). Извѣстно, что не только въ Ялтѣ и въ Орѣховѣ, но даже въ Москвѣ нашлись православные священники, которые позволили себѣ совершать торжественныя церковныя поминовенія и молитвы объ умершемъ раскольникѣ, „находившемся подъ клятвой“ собора 1667 года. Въ этомъ фактѣ почтенная редакція увидѣла новое униженіе и оскорбленіе православной церкви и по поводу его сдѣлала строгое замѣчаніе—особенно „ученымъ“ священникамъ, требуя отъ нихъ указанія основаній, благодаря которымъ они сочли себя въ правѣ совершить торжественныя панихиды по человѣкѣ, жившемъ и умершемъ въ расколѣ¹⁾). Не для оправданія московскихъ священниковъ, служившихъ панихиды по Морозовѣ, а съ цѣлю успокоить взволнованную поступкомъ ихъ почтенную редакцію, мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать небольшую историческую справку и по этому деликатному вопросу. Не пускаясь въ далекое прошлое, остановимся на царствованіи императора Николая Павловича и посмотримъ, какъ рѣшался въ это время вопросъ о погребеніи раскольниковъ. Въ Гысочайшемъ повелѣніи, послѣдовавшемъ 3 ноября 1838, мы читаемъ между прочимъ слѣдующее: „не возбраняеть погребать бывшихъ въ расколѣ и на общихъ кладбищахъ²⁾), съ отиѣваніемъ священническимъ, по установленнымъ правиламъ, въ предположеніи, что или сами они предъ

¹⁾ Сѣтованія редакціи «Братскаго Слова» по поводу указаннымъ умершему Морозову со стороны православныхъ—священниковъ и мірянъ—почестей, помѣщены въ 16 и 17 № № этого журнала за прошлый годъ.

²⁾ Въ царствованіе Александра I раскольникамъ отводились особня отъ православныхъ кладбища (Собр. пост. по част. раск. 1858 г., стр. 39—40; 1860 г. кн. 2, стр. 157—160).

смертію раскаялись въ своемъ заблужденіи, или родственники ихъ будутъ о томъ просить, согласно съ желаніемъ умершаго присоеди- ниться къ церкви, предупрежденнымъ смертію“ (Собран. постан. по част. раск. 1858 г. стр. 317). Г. редакторъ „Братскаго Слова“ можетъ замѣтить, что это—постановленіе свѣтской власти, не всегда могущей правильно судить о церковныхъ предметахъ и вѣрно по- нимать интересы православной церкви. Въ отвѣтъ на это замѣ- чаніе мы только напомнимъ почтенной редакціи, что она сама госу- даря Николая Павловича постоянно называетъ „истиннымъ по- борникомъ православія и искоренителемъ расколовъ“ („Братск. Слов.“ 1883 г. № 3, стр. 115), а затѣмъ укажемъ ей мнѣніе по вопросу о молитвѣ за умершихъ раскольниковъ такого лица, авторитетомъ котораго она сама постоянно, хотя и не всегда справедливо и и удачно, прикрывается. Въ „Изъясненіи о проклятїи, положенномъ отъ собора 1667 года“, почившій трицарственный святитель Фи- даретъ, сказавши о томъ, что „соборъ 1667 года не проклиналъ умершихъ прежде сего собора и тѣхъ, которые разнились съ во- сточною церковію въ обрядахъ по невѣденію“, продолжалъ: „при- жѣру сего снисходительнаго сужденія православная церковь распо- ложена слѣдовать и нынѣ. Если бы кто въ такъ называемыхъ старообрядцевъ, пришедъ въ примиреніе съ святою церковію, спро- силъ: можетъ ли онъ поминать въ молитвахъ своихъ родственни- ковъ, умершихъ въ такъ называемомъ старообрядчествѣ,—право- славное священноначаліе не усумнится разрѣшить ему сіе, по слѣ- дующему разсужденію. Проклятїе собора 1667 года всею своею силою падаетъ на людей намѣренно противляющихся церкви, каковы напримѣръ были Аввакумъ и Никита. Что касается до вашихъ родственниковъ, умершихъ внѣ общенія съ православною церковію, по долгу осторожности и любви къ ближнему, который повелѣваетъ въ дѣлѣ неясномъ избирать снисходительнѣйшую сторону, за вѣроят- нѣйшее полагаемъ, что они оставались въ такомъ положеніи по невѣденію истины, и потому примѣняемъ къ нимъ снисходительное сужденіе собора 1667 года о послѣдователяхъ столпаго собора“ (Свѣд. о единовѣрч. церквахъ, Москва, 1858 г. л. 45 об.). Если, по словамъ митр. Филарета, обратившійся въ церкви раскольникъ, по

любви къ близкимъ, можетъ помянуть въ молитвахъ своихъ родственниковъ, умершихъ въ расколъ, не оскорбляя этимъ церкви, сномъ которой сдѣлался, то, „по долгу осторожности и любви къ ближнему“, можетъ, кажется, помянуть въ молитвахъ умершихъ раскольниковъ и православное духовенство, когда его стануть просить объ этомъ родственники усопшаго. И мы знаемъ, что въ царствованіе „незабвеннаго“ императора Николая дѣйствительно православные священники, ничтоже сумняся, отпѣвали умершихъ раскольниковъ, по приглашенію родственниковъ почившихъ, и св. Синодъ, когда до него доходили свѣдѣнія объ этомъ, ни однимъ словомъ не осуждалъ такихъ дѣйствій своихъ подчиненныхъ. Въ 1851 году нижегородскій преосв. Іеремія доносилъ св. Синоду, что священникъ села Сновѣдскаго Мамантовъ, при погребеніи умершаго раскольника, мастероваго завода гг. Шепеловыхъ, Прокофья Ѳедорова, снявъ съ него притотовленный имъ еще при жизни вѣнчикъ краснаго цвѣта, несходный съ употребляемыми въ православныхъ церквахъ, и замѣнивъ его церковнымъ, обратился затѣмъ къ нему, преосвященному, съ вопросомъ: „должно ли, вслѣдствіе законовъ вѣротерпимости, дозволить раскольникамъ возлагать на своихъ усопшихъ свои вѣнчики, или, для соблюденія интересовъ казны и церкви, рѣшительно воспретить это и настаивать, чтобы вѣнчики возлагаемы были церковные“. Определеніемъ, состоявшимся ²¹/₃₁ декабря 1851 года, было положено: „увѣдомить преосвященнаго епископа нижегородскаго Іеремію, что св. Синодъ крайне не одобряетъ поступка священника Мамантова, который, бывъ приглашенъ къ отпѣванію умершаго раскольника Ѳедорова, рѣшился снять съ умершаго вѣнчикъ, не изъ церкви полученный, и замѣнить его церковнымъ, такъ какъ сіе дѣйствіе могло произвести самое неблагоприятное впечатлѣніе на присутствовавшихъ, — тѣмъ болѣе, что, по отзывамъ ихъ, покойный самъ пріобрѣлъ для себя тотъ вѣнчикъ“ (Собран. постан. по част. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 500 — 3); самое же отпѣваніе умершаго раскольника священникомъ Мамантовымъ, какъ дѣло въ то время, очевидно, обычное, ни въ донесеніи преосв. Іеремія, ни въ опредѣленіи св. Синода не осуждается и не порицается ни единымъ словомъ. Вообще мы

позволяемъ себѣ смѣлость дать почтенной редакціи „Братскаго Слова“, которой нельзя отказать въ усердіи—къ примиренію заблуждающихся съ церковію, искренній совѣтъ,—для пользы дѣла, при рѣшеніи разнаго рода вопросовъ по расколу поменьше полагаться на свое я и почаще наводить по нимъ историческія справки¹⁾), и кромѣ того постоянно

¹⁾ Въ подтвержденіе того, что отъ наведенія справки даже и редакція «Братскаго Слова» можетъ только выиграть въ пониманіи дѣла, укажемъ на слѣд. примѣръ. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ почтенная редакція старается заявить свою излюбленную мысль, будто бы вѣнчать обратившихся къ церкви раскольниковъ, вступившихъ въ брачныя союзы до присоединенія къ православію, значить считать прежнія ихъ брачныя сожитія блудомъ, препятствующимъ такимъ людямъ поступленіе въ клиръ и особенно въ число лицъ священнаго сана. А между тѣмъ если бы почтенная редакція дала себѣ трудъ познакомиться съ мнѣніемъ по этому вопросу «мудраго» митр. Филарета, дѣятельность котораго по расколу редакція ставитъ въ образецъ нынѣшнимъ членамъ св. Синода («Братск. Слово» 1889 г. № 14, стр. 253),—она давно убѣдилась бы въ несправедливости своей мысли. Вотъ что писалъ объ этомъ предметѣ почившій московскій святитель въ письмѣ (отъ 2 ноября 1867 г.) на имя первосвятителя русской церкви высокопреосвященнѣйшаго митр. Исидора: «угодно вамъ требовать отъ меня мнѣнія по вопросу: можетъ ли быть рукоположенъ во священника Іоаннъ Малышевъ, который вѣнчанъ въ бракъ раскольниковымъ лжесвященникомъ, рукоположенъ въ лжеіерея раскольниковымъ лжеархіереемъ, потомъ, познавъ истину православной церкви, присоединился къ ней на правилахъ единовѣрія, и бракъ свой освятитъ вѣнчаніемъ въ единовѣрческой церкви. Это случай, происшедшій изъ историческихъ обстоятельствъ российской церкви, въ древнихъ правилахъ не предусмотрѣнный. Изъ сего слѣдуетъ, что на сей случай нельзя указать прямаго церковнаго правила, а можно искать только близкаго къ оному. По 57 правилу карагенскаго собора, крещенный «по заблужденію» раскольниковымъ донатистскимъ священникомъ и обратившійся къ православной церкви допускается въ клиръ, а слѣдственно и къ рукоположенію въ священство. Правило 68 того же собора о томъ же предметѣ дополняетъ: «особенно въ толико затруднительныхъ обстоятельствахъ сего никто оспаривать не будетъ». Подобно сему, вѣнчанный въ бракъ раскольниковымъ священникомъ и, по присоединеніи къ православной церкви, освятившій сей бракъ церковнымъ православнымъ вѣнчаніемъ, можетъ быть допущенъ до рукоположенія во священника, особенно въ такихъ обстоятельствахъ, когда чрезъ сіе многихъ отъ раскола пріобрѣтаетъ православная церковь. Тотъ, который говоритъ, будто Малышевъ жилъ съ дѣвкою и рождалъ дѣтей, есть клеветникъ. Малышевъ жилъ въ бракѣ, который предъ судомъ церкви не неправиленъ, но который онъ, по невѣдѣнію и «заблужденію», почиталъ правильнымъ по совѣсти, хотя и погрѣши-

ПОМНИТЬ, что, по слову апостола, *любы созидаетъ* (1 Кор. VIII, 1).

20-го апрѣля.
1890 г.

Н.

тельной. Блудъ есть дѣйствіе страсти, соединенное съ прзрѣніемъ закона; но Малышевъ вступилъ въ бракъ въ расколѣ, хотѣлъ поступать и поступалъ по закону, какъ понималъ его въ то время. Слѣдственно нельзя обвинять его въ блудѣ, не допускающемъ до священства. Мнѣ кажется такое рѣшеніе вопроса о Малышевѣ такъ благо-словно, что если ваше высокопреосвященство приведетъ оное въ исполненіе и безъ представленія св. Синоду: св. Синодъ не найдетъ сіе превышеніемъ вашей власти» (Собр. мѣн. и отвѣв. т. V, ч. 2, стр. 933—4). Малышевъ дѣйствительно и былъ рукоположенъ во священника къ Болотской (въ Лужскомъ уѣздѣ, Петербургской губерніи) еднновѣрческой церкви, при которой находятся и въ настоящее время.

Изъ «Христ. Чтен.», № 7—8, за 1890 г.

Печатать позволено. 5 Юня 1890 г.

Заслуженный профессор *Иоанн Троицкий*.

Типографія А. Катанскаго и К°. Невскій пр., д. № 132. ;

РК